

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ !

Александр Хрящевский

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

- 1 -

18+

Все вниз! Заклинание

Александр Хрящевский

Все вниз! Заклинание. Том 1

«Автор»

2017

Хрящевский А. П.

Все вниз! Заклинание. Том 1 / А. П. Хрящевский — «Автор»,
2017

В первый том вошли стихи, написанные, как в юношеском, так и в зрелом возрасте - в последней четверти XX века. Любовная и гражданская лирика. Автор - советский офицер, командир подводной лодки.

© Хрящевский А. П., 2017

© Автор, 2017

Александр Хрящевский

Все вниз! Заклинание. Том 1

ПОЭЗИЯ СТАЛЬНОГО ОТСЕКА

Александр Хрящевский – офицер-подводник, выпускник Высшего военно-морского училища подводного плавания им. Ленинского Комсомола. Его отец – офицер-фронтовик, во время Великой Отечественной войны с 1939 г. по 1943 г. служил, воевал в стрелковых частях на рядовых и сержантских должностях, в 1943 г. после тяжёлого ранения и лечения переведён в органы контрразведки СМЕРШ.

Сам Александр Хрящевский прошёл все ступени флотской службы на подводных лодках. Стал командиром новейшей дизельной подводной лодки типа «Варшавянка». Бригада, в состав которой входила его подводная лодка, базировалась в бухте Бечевинской на Камчатке. Он, в должности командира подводной лодки, на себе испытал всю тяжесть Холодной войны, выходя на Боевую Службу с ядерными боеголовками.

Вернувшись после очередного похода в ельцинские времена, он вдруг узнал, что Военно-морской Флот больше не нужен новым демократическим властям. Фактически, во времена Ельцина,

офицеров предали так, как предали во времена Керенских, захвативших власть в феврале 1917 года. Тогда т.н. Приказом №1

ПетроСовета офицеров лишили оружия, лишили единоначалия, на котором держится дисциплина, и унизили так, как не унижали никогда за всю историю Вооружённых Сил России.

Александр Хрящевский ушёл с Флота. Именно таким офицерам, как капитан 2 ранга Александр Хрящевский в эти позорные для

Отечества времена я посвятил стихотворение под названием «Уходим!». Вот строки из этого стихотворения:

Мы песен былых не заводим,
А гимны звучат не для нас!
Уходим, уходим, уходим,
Уходим немедля в запас.
Но сердце от боли не тужит
Под светом московских палат –
Пусть отрок лукавый послужит
И в руки возьмёт автомат.
Оставьте значки и медали,
Поставьте на вечность печать –
Не мы нашу Родину сдали,
Не нам за позор отвечать!
Слышны ли вам русские стоны?
Видна ли судеб маета?
Зачем вам свои батальоны,
Коль есть за границей счета.
Удобно стоять на паркете,
Меня зажавшийся ряд!
Сегодня крестьянские дети
Идут на кровавый парад.
На стыках гудят перегоны,

Перроны в закатном огне –
Достойных бойцов легионы
Ещё пригодятся стране.
...Победные марши допеты –
Не тянет обоз Коренной!
Слеза и дымок сигареты,
И звуки «Славянки» родной.

С поэзией Александра Хрящевского я познакомился после выхода его первого сборника стихов. Ключевой стержень его поэзии – боль за Родину, боль за Флот. Поэзия Александра Хрящевского – поэзия

человека, который честно исполнил Долг и Присягу, который не в кабинетах прошёл школу мужества и риска. Его стихи надо читать, чтобы глубже понять время, в котором мы живём, чтобы понять главную истину автора – ему Отчизна дорога, которую вдруг предали и распылили под лозунгами «свободы и демократии».

На стихи Александра Хрящевского известный бард и русский патриот Александр Харчиков исполняет целый ряд прекрасных

песен, которые ценят и любят слушатели и почитатели его творчества.

Жаль, что сборники его стихов не найти в книжных магазинах.

Как оказалось, его резкая оценка существующей действительности не всем нужна. Такую поэзию стараются принизить и не издавать.

Но я твёрдо знаю, что время всё расставляет на свои места. Его стихи найдут путь к своему читателю. Успехов тебе, Александр!

*Член союза писателей России –
капитан 1 ранга Николай Гульнев.
Санкт-Петербург, 21.04.2016*

– Все вниз!

"Вперёд и вверх..."

В.Высоцкий

Б-101 – Курганов С. П.

Б-112 – Серов В. В.

Б-439 – Биктимиров Р. Ф.

– Все вниз!

– Молитесь командиру БЧ-5!*

И свечки ему ставьте,

Кто не нищий.

Коль грех раба Всевышним почитать,

Так пусть он почитается Всенизшим!

– Что Дьявол нам?!

– Что Бес?!

– Что Сатана?!

– Что Дантов Ад подземными кругами?!

Гремит ревун – открыты клапана,

Я знаю чёрта –
звать его – Курганов.

В гробу я видел ваших "Мастеров..."
Зароют их достойно и красиво.
Вот, если
вдруг
"провалится" Серов –
Нам пухом грунт
Персидского залива.

– Язычник я!
– Отступник!
– Еретик!
– Аллах Акбар!
Но подлость правит миром.
Пушай отсохнет
дерзкий мой язык:
– Храни нас ГОН**
да Ромка Биктимиров!

– Все вниз!
– Молитесь командиру БЧ-5!
В его руках
теперь и наши души.
И хоть плевать,
где телу истлевать,
А всё ж, хотелось,
где-нибудь посуше.

июль 2000 г.

*Командир БЧ-5 – на подводной лодке, корабле – командир электромеханической боевой части – "механик"

**ГОН – Главный осушительный насос

Пусть привыкают

вице-адм. Неволину Г. Л.

Затих в молчании
за мороженый «зал»,
Чужие волны
по бортам стекают...
Поднялся адмирал
и, не грозя, сказал:
– Пусть привыкают.

Еще от прошлого

не высохли глаза
И грозы войн
над миром
не стихают,
Но адмирал
поднялся
и сказал:
– Пусть привыкают.

Пусть привыкают
к «Подмосковным вечерам»
И к смеху
над заливом Мексиканским.
Пусть привыкают,
что сегодня –
не вчера.
Пусть привыкают янки.

Пусть привыкают
к миру
на Земле,
К законам дружбы
на родной планете.
Пусть привыкают
к розовой заре,
Что жизнь идёт
и что взрослеют дети.

Когда-нибудь
на белых парусах
Мы пронесем
Любовь по океанам,
Ну, а пока,–
поднялся адмирал и,
не грозя, сказал:
– Пусть привыкают.

1980 г. Мексиканский залив.

Друзьям по училищу

Море било нас и ласкало,
Море кишки нам полоскало.
К берегам родным не пускало
И швыряло разбить о скалы,
Колдовало забыть о милой,
Но глухой тоской не сломало.
Солнцем яростным нас палило
И калило нас лютым холодом,

И искристую нашу молодость,
Как хмельной бокал расплескало.
Распрекрасную нашу юность
Голубой волной просолило,
Верной дружбою нас скрепило,
Гордой службою нас сковало,
Фейерверками не сверкало,
Никаких наград не сулило,
Не за длинным рублем сманило.
В три погибели нас согнуло
И стальным прутom распрямило.
И взрастило нас и сгубило.
И купель моя и могила,
И судьба моя и любимая.

1981

Я – карьерист!

Я – карьерист!
Я к цели шагаю
По трупам
врагов
и друзей.
Я меры не знаю.
Я в роскоши утопаю.
И голову кружит мне
почестей карусель.
Судите меня.
Сознаюсь,
я – карьерист.
Я рою под...
И под...
ложил е м у свинью,
Я устраиваю
личную жизнь,
Я создаю
семейный уют.
– Ну ладно.
– Хватит!
– Довольно паясничать!
Нечего рассопливаться
врагам в угоду.
Мы знаем цену
и делу,
и деячеству
И в нашем нету
роду
уродов.

Не давите на нас
дипломовым
апломбом,
Нас океан
на прочность
опробовал,
Сегодня –
потом пропитываем робы,
А завтра –
сами сияем «ромбами».
Мне говорят:
– Ты книжек начитался.
Года пройдут,
ты станешь,
как и все.
Я защищал,
а кто-то – «защищался».
Так, что же
мне теперь
ползти в хвосте?
А мы не из тех,
кому «бабу» в постель
И «рай коммунизма»
во сне разглядывать.
Я брата
такого
первым
к стенке
И пристрелю,
как врага
заклятого.
Кому там
не нравится
мой разбег?
Я из грубой муки
и крутого замеса!
Я открыто требую
места в борьбе
Против тех,
кому борьбой –
борьба за место.
Посмеиваетесь,
мол, прижало,
жалуетесь.
А мы не ужи.
Мы сами с жалом.
Уже?
Ужалились?
Извините.

Не сдержались.

Монолог командира моторной группы

Юдину А. Н.

Я – командир моторной группы.
Мне – 23. Я – лейтенант.
Не жалею на то, что хлеб мой труден.
Я никогда на дот не лягу грудью,
Но это не моя вина.
У каждого своя война.

Я – командир м о т о р н о й группы
И потому и в праздники, и в будни
Погоны на плечах моих не зря.
Я не стреляю, если разозлят.
Моя война – цистерны, трубы,
Шестой отсек и дизеля.

Друзья мои "выходят к телеграфам",*
Едва узнав отличья носа от кормы,
Им дай командовать, их хлебом не корми.
А, впрочем, дело ведь не в лаврах.
У каждого свои награды,
А мне с "железом" легче, чем с людьми.

Затих за переборкой бойкий дизель,
Осталась наверху тяжёлая волна,
Нас обнимает жёстко глубина
И мы в воде, как в воздухе, повисли.
Полгода я не посылаю письма
И сыновей сама растит жена.

Пусть буду я к глупцам причислен,
Нет в голове честолюбивых мыслей.
Причём здесь званья или ордена?
Скажите мне, что не придёт война,
И больше ничего не надо в жизни –
Я б был до гроба лейтенант.

Да, труд любой высоких слов достоин.
Я уважаю тех, кто хлеб растит, дороги строит,
А наша жизнь – тревога и приказ.
Скажу без позы и без прикрас:
– Я точно знаю – мы не герои,
Но нет героев, кроме нас.

1983

* – "выходить, рваться к телеграфам" – делать карьеру

Офицерский монолог

Говорят – одеты мы,
Говорят – накормлены.
И винят – за деньги, мол,
И стыдят – за форму, мол,
И бранят – бездельники,
И клеймят – пропойцы.
Уважать – не велено,
Убивать – дозволено.
Обстригут халдеи нас,
Обдерут извозчики.
Клевета и гнусность,
И перчатка брошена.
Офицеры русские,
До чего мы дожили?!
Взводные да ротные
Проданы задёшево.
Нам ли в штатском платьице
По притонам прятаться?!
Флотские, пехотные,
Ну, какая разница?!
Братья мои родные,
Позабыли разве мы –
Коли жить так – гордыми?!
Умереть – Героями!
Сколько жизней отдано?!
Сколько крови пролито?!
На Сенатской площади,
Там полки построены.
И копытом лошади
Там змея растоптана...
Что статейки добрые?!
Что Указы Грозные?!

Пистолеты собраны
И патроны розданы.

Все узлы разрублены
И мосты разрушены.
Сколько душ загублено...
Сколько губ задушено...
Ночь ли вздрогнет душная,
Утро ли морозное...

Что Сиянье Звёздное?!

Что нам Тьма Кромешная?!
Русь-Россия-звонница,
Снова твоя вольница
На крови замешана.
Снова ты расколота,
Снова ты разъята.
"Жёлтые", "зелёные",
Бедные-богатые.
Снова – брат на брата?
Белые – плебеями,
Красные – аристократы?
Семеро с билетами,
А один с лопатой.
Мудрые ораторы
Красуются дебатами
Тянут одеяльце
В разных направлениях:
Правые – про Ленина,
Левые – про Ельцина.
На небе созвездья
Не "враги ль народа":
Рак мешает Лебедю,
"...А Щука тянет в воду".
Снова ты распродана,
Снова ты раскуплена
По "Фронтам" да "Партиям" –
роскошная Республика, –
дешёвая Монархия.

Снова виновата –
Армия.

Снова виновата.

Снова на – кресте Ты.

В ватники одета,
В сапоги обута.
– Ела ли?
– Пила ты?
Предана Иудами.
Распята Пилатами.
Рвутся волки сворою,
Стаей выются воры.
С фунтами да с долларами
Налетели вороны
Раздирают вотчины.
Мать-Россия-Родина,
– Ты женой ли?

– Дочерью?
– Стервой ли валютною?
Вспыхнет злоба лютая...
Я ли стану в очередь?
Ты берёзкой стройною,
Жёлтым ли подсолнухом,
А и выйдет солнышко,
Да росую очи мне...
А в родимом доме
Окна заколочены.
Выйду на околицу,
Стану над мосточком:
То не прах ли отчий
Пылью по обочине?!
"Над моей Россиею..."
Стонет "...небо синее".
Стынет "...небо синее
Над моей Невой".
Мне ли по России
Грабить да насиловать?!
Сёстры мои, братушки,
Мать-Россия-матушка,

Я, ли – сын не твой?!

Ты – Царицей Гордою
Иль – с сумою по миру,
Что дано Судьбою –

Я, ли – не исполню?!

Я иду по городу
В строгом, синем кителе.
На моих погонах
Звёздочки не вытерты,
По любой погоде –
Снегом или дождичком,
"Волга" – "...не положена",
"Чайка" – "...не по должности",
Я иду пешочком,
Чёткий шаг печатаю,
Не велик начальник,–
Не в перчатках пальчики,
Взятками-подачками
Руки не испачканы.

Я иду не горблюсь,
Выправкой не хвастаю.
Полоснёт по горлу ли

Бритвою опасною
Или ночью подлою
Пулею распластан.
Буду жить ли долго
Или сгину завтра,
Где родился – помню,
Где помру – не знаю.
В море утону ли,
На земле сдыхая,
Я Страну Родную
Не клянущ, не хаю.
Не блистать Парижами,
Не гулять Арбатами.
Нам – виски острижены,
Вам – места расхватаны.

Разнаглелось барствовать
"Новое дворянство"
Усадьбами-поместьями.
Не – бароны царские,
Так – "князья советские".
Им – за подлость почести
Да рубли на счётике.
Нам за службу строгую –
Подлую пощёчину.
Как таскать паёчки,
Так – сынки да доченьки.
А, от пули павшие, –
Пасынки да падчерицы?!
Нас пугать ли заговором?!
Нас купить подачками?!
Чьи сыночки – с дачками?!
Чьи – с гнилой казармою?!
Вы ли не повязаны?!
Вы ли не сосватаны?!
Нас корить зарплатою?!
Нас смирить приказами?!
Не гастролить Лондонами,
Не шутить Одессами.

Кто Пиррует в "логовах"?!
Кто толпой растерзан?!

Не молю у Господа
Ни венка, ни ордена,
Тёпленького места ли
В Царствии Небесном,
Ни прощенья даже.
Знаю, – будет каждому

Полной мерой воздано:
Сирому, убогому,
Великому, безвестному.
Будет – "Богу – богово,
Кесарево – кесарю".

1990-1991

Монолог командира подводной лодки

Есть много ритуалов и традиций:
Бывает – строй,
минута тишины
над мокрым пирсом.
На флоте нет минуты выше,
Дежурный командиру:
– Время вышло!
Рука к виску,
а сердце в небо птицей.
Спасибо флот!
Я горд,
что я твоя частица.
Я – боевая единица.
Не для забавы строят корабли,
Есть цель,
и есть предназначенье:
Сберечь покой родной Земли
И в малом,
и в большом прочтенье.
Мои компАсы держат верный курс,
Мне днище не распорют буден рифы,
В беде не гнусь,
в бою не берегусь
И от врагов отстреливаюсь рифмой.
Бывает шторм –
и в море,
и в судьбе,
Друзья не верят,
женщина – не слышит
И день за днём в отчаянной борьбе
И сволочь тебя,
в сволочи, запишет,
И торжествуяще пытается на излом,
И неудачам радуется нагло,
Но как бы мне, ни тяжело,
врагу назло,
Я не сдаюсь
и не спускаю флага.
Есть карандаш

и чистая бумага,
И есть в запасе сотня точных слов.
Не для нытья,
не для сведенья счётов.
Мне океан,
а женщина – тому.
Взрывать слова – опасная работа,
Её не уступаю никому.
Но главное,
но главное,
но главное,
Когда у жизни столь высокая цена,
Чтобы была планета спасена,
Пушай без славы
или же со Славою,
Легко сгореть
в секунду ярким пламенем.
Трудней –
отдать всю Жизнь
по капле
День за днём до дна(-я).
Бывает – Смерть,
не в яростном бою,
Чтоб "погибаю...", мол,
"...но не сдаюсь!",
Чтоб знать с утра
и в чистое одеться,
А просто,
вдруг,
остановилось сердце.
Сердца быстрее,
чем от бури устают
От тесноты кают,
от тошноты консервов.
Где наша Смерть?
Не думаем.
Не верим.
Пьём ночь водку,
воду поутру,
Бывает,
что и спирт не по нутру.
"...Нам никогда не числиться в потерях".
Не на войне,
хоть и нелёгкий труд.
Что наша Смерть?
– Обыденное дело.
Не до наград.
Живым бы не влетело.
Приспущен флаг

и целую неделю
В провизионке
леденеет тело.
Матрос-мальчишка.
– Моцарт ли?
– Сальери?
И будет миг –
пронзительный и трезвый –
За 20 миль услышишь корабли.
Торпеды – Товсь!
Сомненья бесполезны.
Задраен люк.
Отвалены рули.
"...Настанет день,
когда и я исчезну
С поверхности..."
воды.
– Что наша Жизнь?
– Подарок?
– Наказанье?
– Откуда мы?
– Куда нас занесло?
– Добро и зло?
– Блаженство ли?
– Страданье?
Ещё вопрос:
– Кому не повезло?
Кому награды,
званья и парады,
А мне не низок гарнизонный горизонт.
Не потому,
что выше не по силам,
Коль будет надо – поведу и флот.
Сегодня – здесь мой фронт.
И здесь моя Россия.
Кому приёмы,
встречи и визиты,
Кому призы,
премьеры и концерты,
Корреспонденты и аплодисменты,
А я себе
не набиваю цену.
Я не гляжу на жизнь из-за кулис.
Почётен труд актёров и актрис.
Мне никогда не кланяться со сцены,
Не петь на "...Браво!",
не играть на "...Бис!",
Ни злость,
ни зависть

не заму́тят стих,
Подобные глубины слишком мелки.
На море у людей другие мерки,
Где суд не спросит – совесть не простит.
Здесь звёзды не с небес,
не с голоса признание,
Проверит море:
– Низок ли?
– Высок?
Моряк по прИзыву.
Моряк ли по призванию?
Здесь званья не даются за пустяк.
За десять лет мне командирский знак,
Да медные медали "За песок".

1981-1991

«У Курил хорошая погода...»

Трухину В. А.

У Курил хорошая погода.
– Это редкость,
сказал командир.
Нам осталось полусуток похода
И полгода уже позади.

Может завтра опять уходить.
Пусть завидует нам пехота,
Не дано ей столько пройти,
Сколько нам по дорогам подводным.

Мне жизнь прожить – умереть в погонах,
И после смерти тревогой буди.
За спиной полгода похода
И полжизни еще впереди.

Но когда-нибудь в мирных водах
Я скажу, приветствуя мир:
– Над Землей хорошая погода,
Пора домой, товарищ командир.

1983

«Когда услышу слово штурман...»

Верзилину Л. Н.

Когда услышу слово штурман,

В душе взвиваются аккорды.
В нём повесть гибельного штурма
И песня яростного шторма.
Оно, как флаг, взлетевший гордо
Над суетою склок мишурной.
В нём тяжкий шум воды забортной,
Обвалом хлынувшей в цистерны,
И вечный профиль Крузенштерна
Над тишиной Невы "покорной".
И книга сказочного детства
Мне распахнёт свои страницы,
И клипер, канувший бесследно,
Вдруг из похода возвратится.
Он пришвартуется к причалу,
Щекой коснётся плит бетонных,
И распрощаюсь я с Печалью,
С мечтой Любви необретённой.
Мне старый шкипер просмолённый
Свои поведаёт легенды
Про белизну солёной пены
У берегов страны далёкой,
Про бриг, скользящий одиноко,
В просторах полночи туманной,
Предупрежденьем океана
О смерти славной и жестокой.
Бутылку терпкой, горькой влаги
Нам будет выпить не позорно.
Потом споем с ним два бродяги
Про Южный Крест за горизонтом
И про матросскую походку,
Про долгий путь, про смертный бой,
И про усталую подлодку,
Что с глубины идёт домой.

1983

Как я болел «желтухой»

Я был обычный лейтенант.
Вот пара ног, вот пара рук,
Вот голова – два уха.
И вот те на, и вот те на,
Мне говорят:
– Послушай, друг,
Да у тебя – «желтуха».
– Откуда? Не могу понять.
Мне на себя пенять
Иль на судьбу пожаловаться?
Ни сном, ни духом

Не ведал я коварного недуга.
И вот, пожалуйста,
«Желтуха» у меня,
«Желтуха».
Для шуток множество причин.
Один кричит,
Что я – лимон.
Другой, что я – хамелеон.
А третий говорит:
– Я понял,
Он – шпион,
Он заслан из Японии.
Ведь там, по слухам,
У всех «желтуха».
– Во, где житуха!
Но позу грозную приняв,
Я говорю ему:
– Допустим,
Вы – грамотей, но почему
Вы оскорбляете меня
Позорной кличкой – «желтопузик»?

Я мог бы золотом сиять
На глади купола!
Я солнце мог бы заменять,
Когда б оно потухло!
«Желтуха»
тела у меня,
Но «желтуха» духа!

1981

«Если тоска подступает опять...»

Если тоска подступает опять,
И ты уже начал «линять»,
Сбиваться, спиваться
И поворачивать вспять,
На каждом шагу спотыкаться,
За каждую юбку хвататься,
То чёрта ль тебе еще ждать?

Зачем
на земле
оставаться?
А ну:
– По местам стоять,
С якорей
и швартовых

сниматься!
Скорее!
Скорее!
Флагу взвиваться!
Матросам – метаться!
Салютам – сиять!
Ругаться!
Сшибаться!
Взрываться!
Вгрызаться!
Цепляться за каждую пядь!
Упасть
и опять подниматься!
«...Бороться и искать,
Найти
и не сдаваться!»

Свадебное

Семиным

Смыкая строй высокого стиха,
Пушай равняются в шеренге
Плечом к плечу к строке строка
И блещут рифмы ожерельем.
Пушай в порыве вдохновенья
К бумаге поспешит рука,
Хоть в азбуке родного языка
Я букву каждую лелею,
Высоких слов сегодня не жалею.
Я не желаю вам тугого кошелька,
Хоть мелкой скупостью не грешен,
Пусть только ваших чувств река
Течет, чиста и глубока
Сто долгих лет, ничуть не обмелевши.
Я не желаю вам любви спокойной,
Чтоб ни волны, ни ветерка,
Но ссоры глупой, недостойной
Пушай не скроют небо облака.
Любовь – весна, в том нет секрета.
Пусть в волосах седая просинь.
Вслед за весною будет лето,
Но пусть не сменит лето осень.
Нарушив правила привычные,
Я не желаю даже счастья вам.
Я знаю – нету счастья высшего,
Чем в мире этом повстречаться.
Смахнут родители слезу украдкою,
Не осуждаю их нисколько.

Стою и пью вино я сладкое,
Но горько мне.

Но:

– Горько!

– Горько!

– Горько!

1981

Ходовой флаг

Он из трудяг,
из работяг,
Он не из тех,
что называют – стяг
И знамя,
Но настоящий,
искренний моряк
Он должностью и званьем.
Он не из шелковых парней,
Он сшит из грубой парусины,
Но над волной чужих морей
Его мы гордо проносили.
Ему ни в праздник,
ни в бою
На гафеле не взвиться.
Высоких гимнов не поют,
В лицо ему плюют,
Но с вахты не смениться.
Крепчает шторм
и голос ветра груб,
И рукоплещут
волны им
победно,
Но, распластавшись птицей на ветру,
Упрямый флаг
прорвется
против ветра.

1983

Торпеда

Торпеда. Торпеда.
Красивое слово.
– Неправда?
Я словно во сне
Или я околдован.
Я слышу – торпеда,

А будто – торнадо,
А будто – Гренада.
И будто – коррида,
Где «торо» – торпеда,
Корабль – «тореро».

А солнце сияло,
А море блестело,
Торпеда бежала,
Ракета горела.
И вздыбились волны,
И дрогнули скалы,
И чайка упала,
И рыба взлетела.
Красивое слово,
Кровавое дело.

1990

СР*

Я намагничен.
Поле мое
не в норме.
Это значит –
я буду
легко обнаружен.
Меня раздракoniaт
и в нос,
и в корму,
И бесполезно
мое оружие.
И вот,
как Христа,
на четыре точки,
Задом к зюйду
и мордой к норду
Меня распинают
на ржавых бочках,
И вяжут руки,
и крепят ноги,
И кабель черный
повис по борту.
Сейчас настроят они приборы,
Подключат блоки
и врубят токи,
И подравняют мои потоки,
Чтоб не был сильным
и слишком гордым,

Чтоб был спокоен
и незаметен,
Был незамечен,
необнаружен.
Но разве за этим
я есть на свете?
– Разве за этим?
Но, если такой,
то кому я нужен?
– К чертям!
Обрываю концы
и цепи.
Пусть на пределе,
пусть на прицеле.
Вы просчитались
вы не успели
И подлый план ваш
теперь разрушен.
Пусть кровенеют
рубцы
на теле,
Я не позволю
мне размагнитить
душу.
Пусть я не вечен,
пусть я замечен,
Пускай замечен
и замечаем,
Пусть не
приличен.
Я необычен,
необычаен.
Я намагничен,
наэлектричен,
начеловечен.
Меня разрывают
Любви потоки,
Взрывные строки
я излучаю.

1990

*СР – Судно размагничивания, стенд размагничивания

Сентиментальная песня

Канцедалу Н. В.

Когда в роскошном ресторане,

Когда в шикарном кабинете,
Увы, не с флотскими друзьями,
Вы соберетесь на банкете,
Пусть вам напомнят строки эти,
Как мы ходили в океане
И лик Луны был чист и светел,
Как мы всплывали на закате
И погружались на рассвете,
Как Нептуна мы повстречали
И, как рассерженно ворчал он,
А командир ему ответил,
Не нагнетая напряженность,
Хоть по-иному мы могли бы,
Что не нужны его нам девы,
С хвостом холодным, как у рыбы.
И потому еще мы живы,
Что нас свои ждут дома дети,
А, может даже, ждут и жены.
А, может даже, и ...чужие.

Когда в столичном ресторане,
Когда в отдельном кабинете,
Когда на вОсковом паркете,
Когда на плюшевом диване,
С коварной брагою в стакане
Вы загрузите на банкете,
Тогда прочтите строки эти
И тост «За тех, кто в океане!»
Пушай не с флотскими друзьями,
Пушай не с флотскими,
Но все-таки распейте.
И показаться им не бойтесь
Сентиментальными немного
И песню старую про лодку,
И про усталую подлодку
Пушай не с флотскими,
Но все-таки,
Но все-таки пропойте.
И вот, когда вы пропоете,
И вот, когда вы разопьете,
И строки эти им прочтете,
И вам покажется, наверно,
Что вы, как будто бы в отсеке,
Как будто с флотскими друзьями,
И вы тогда поймете сами,
Я это знаю, вы поверьте,
Что никогда, до самой смерти,
Что никогда, вы не найдете
Других таких, родных, как эти,

Друзей на том ли, этом свете.

1991

«Я вышел из канала...»

Я вышел из канала,
Как пуля из ствола.
Погода подкачала
И нагло закачала
Уже у третьей пары*
Продольная волна.
Течение сносит вправо,
Там камни, там прибой.
Но мой мотор исправен
И справлюсь я с тобой
Мне не пристало дрейфить
При качке килевой,
Рассчитан угол дрейфа
И угол путевой.

Я вышел из канала!
Туман глаза слепил
И видимость упала,
Манил меня отлив
И глубина пугала,
Мол, пропадешь задаром,
Достать «ногой»** до дна.
Была «шестая» пара,
Была «шестая» вправо,
Добавочная влево смещена.
Мигают разноглазо
Мысы шальным огнем,
Зрачок Ловушек – красный,
Зеленый – на Входном.

Я вышел из канала!!
Судьба меня ломала
И Злость меня пытала,
И Пошлость мне шептала:
– Зачем так одинок?
И Подлость зазывала:
– Зайди на огонек.
А Слабость обнимала
И целила в висок.
Тоска меня травила
И Ненависть давила,
Что прям не по годам
И руки мне вязала

Канатами к кнехтам.
А Трусость не давала
Вращения винтам.

Я вышел из канала!!!
Охрана прозевала,
Погоня не догнала,
Измена не сгубила,
Расправа не добила,
Я ей не по зубам.
Засада не проснулась,
Удача улыбнулась,
Фортуна обернулась –
Рога моим врагам!
Любовь меня хранила,
Надежда мне светила,
А Вера разорвала
Меня напополам.

1990

*пара – здесь пара ограждающих буюв

***"нога" – нога лага – выносной прибор лага – измерителя скорости

Просмешутка

(По мотивам к-ф "Дураки умирают по пятницам")

Комуткову С. В.

Который день,
Двадцатый день,
Одна и та же дребедень –
Всплывать да погружаться.
Ругаться лень,
Учиться лень,
Чтобы рассеять скуки тень,
Садимся "разряжаться".
Уже разбужен замполит,
Он весь кипит,
Шипит, дымит,
Рычит, как лев
И кроет нас богами,
Но нам покажет "даму трэф"!
Он нам покажет "даму трэф"!
С валютными ногами.
Она, халатик не одев,
Кружила вальс,
Блестя сосцами

И, презирая томных дев
И нас, и вас,
И их, и всех,
Спала с крутыми подлецами.
Её, от страсти обалдев,
Решив успех
Небрityми щеками,
Герой спасал
Стерильными руками.
Он к ней нечаянно попал.
Его сразила наповал,
Она интимными местами,
Но он ей скоро надоел,
Украшив бедного рогами,
До прояснения тёмных дел,
Сбежала лёгкими шагами.
А он смириться не хотел,
Сражаясь с наглыми врагами,
Летел, скакал,
Стрелял, бежал,
Следил, мешал,
Лежал, потел,
Не пил, не ел

И всех оставил дураками.
Но это был понтовый блеф,
Мы убедились сами:
В одной колоде
"Дама трэф",
В одной колоде
"Дама трэф"
С блатными королями.
Опять стрельба,
Пальба, борьба.
Сюжет закручен лихо.
Удар. Удар. Ещё удар.
Затор. Забор.
"Базар-вокзал".
Пожар.
Неразбериха.
Он погибает, не прозрев,
В подвале, то ли в складе,
Его сейчас забьют цепями,
Уже "шестёрки", озверев,
Шальными зыркают глазами.
В одном раскладе
"Дама трэф",
В одном раскладе
"Дама трэф"

С козырными тузами!
Продажный друг кричит:
– Убей!
Марьяжное начальство
Но не учтён "валет бубей" –
Припрятан между пальцев!
И снова шулер в дураках,
И дама кается в грехах,
И отрекается от фальши.
Её уносит на руках
От этих бед,
Лихой атлет
Куда подальше.
"Туз" нажимает на курок,
Массовка катится в лесок,
"Менты" летят,
"Стволы" палят,
Машины бьются.
"Бугор" стреляется в висок,
Кровь вытекает на песок
И все довольны. Все смеются.

Но, "дама трэф"!
Ах, "дама трэф"!
Узнал тебя на гОре.
Шторма и ПЛЮ* преодолев,
Вернёмся с моря.
Конечно я тебе не пара,
Хотя совсем ещё не стар,
Да я не спорю.
Но, если кто составит пару
Мне в баню или в сауну,
Ещё поддам я пару,
Ещё я выдам жару
И в деле э т о м дам я фору
Столичному актёру.

Ах, "дама трэф"!
Ах, "дама трэф"!
С холёными плечами,
То бред – не бред?
Ты верь – не верь.
На что мне та Камчатка?
Заброшу ТОФ** и КВФ***,
Мне чёрт не брат
И Ком***** теперь
Мне тоже не начальник.
Возьму билет,
Закрою дверь.

Уеду в Тверь
Или в Москве
С тобою повстречаюсь.
Прости, жена, – попутал бес.
И сам не знаю,
Как я втрес...!
Ну, вот те крест,
Я сам не понимаю.

Ах, "дама трэф"!
Ах, "дама трэф"!
С крестовыми очами,
Поэту сердце точит червь
Любовными речами.
Я весь уже – единый нерв,
Не ем, не пью
Ни кофе и ни чаю.
Жестокой смерти не боюсь,
Люблю. Киплю.
Горю. Дымлю.
Дымлюсь.
Молюсь ночами.
Сижу. Лежу.
Гляжу. Пишу.
Томлюсь,
Давлюсь стихами.
С утра, как трезв.
Красив, как ферзь.
Богат, как Крез.
И вот я здесь
И твой я весь
Со всеми потрохами.
Свинья не выдаст,
Чёрт не съест
За сладкий грех
Готов сгореть
Под жаркими устами.

Ах, "дама трэф"!
Ах, "дама трэф"!
Задушит волосами.
Я загадал на букву "ЭР",
Да знать не фарт,
Мне выпал "Ферт".
И злата нет,
И "дама" где?
Один, как перст,
В пустыне перс,
Лишь пепел под усами.

Но прокатил я даму крест!
Эх, прокатил я даму грез!
На тройке с бубенцами.

Охотское море. 1991

* – ПЛО – противолодочная оборона
** – ТОФ – Тихоокеанский флот
*** – КВФ – Камчатская военная флотилия
**** – Ком – Командующий

Ночь перед Рождеством (матросские мечтания)

Задача один* – непростая задача.
Тут даже захочешь, – не хватит
Ни дня и ни ночи.
Ну, а не хочешь, – поплачешь.
Как кляча ишачишь,
Как пчёлка батрачишь,
Но только и слышишь:
– Опять ты сачкуешь!
– Опять ты портачишь!

Эх, если бы рыбка
Была золотая,
Ну, та, что старик
Обнаружил на мЕли.
Уж мы бы не стали
С ней долго «базарить».
Чего там – до завтра?
Чего – пожалейте?
Ух, как будто мурашки
Щекочут по телу.
Вот тут бы у нас
Клапана заблистали!
Вот тут бы «барашки»
У нас заблестели!

А лучше бы щука,
Ну, та, что к Емеле,
С испугу ли, в шутку
Скакнула на берег.
Ах, мы бы не ахали,
Ох, мы б не вздыхали.
Подумаешь – вёдра шагали,
Подумаешь – печка поехала.
У нас бы побегала!
Ох, мы б «припахали»!

И что, что ты самка?
И что, что молоденькая?
Мы сами с усами.
Мы тоже подводники.
Причем здесь «о бабах»?
Да, если по «бакам»,
Да, если по банкам,
Которым в томате,
У нас этих хищниц
За тыщу отыщется.
У нас и сомы вон
Валяются ящиками.
Ты хищник на воле,
А в пище ты – «частик».
Эх, нам бы ту шуку
На лодку – на сутки
Или, хотя бы – на часик.
Ну, на минутку, хотя бы.
Тогда бы любая задача
«За счастье».

А лучше бы, если б – Хоттабыч
Вдруг объявился в отсеке.
Вот было б веселье,
Вот было б «не слАбо».
Ему же ничто «не слабО»
Захочет – и в пятницу
Будет суббота.
Захочет – и в среду тебе
Воскресенье.
Да. Хоттабыч не шутка,
Хоттабыч – не шука,
Не бабка, не рыбка, не лещ.
Да, джин – это штука!
Да, джин – это вещь!

Стоял бы на штате,
Тащил бы на вахте,
Хоттабычу – ватник,
А я бы – в халатик
И в баньку
Да.а.а... Жаль.
Уважаю талантик.
А лучше бы, если б
Собрались все вместе,
Да к нам бы на помощь.
А то у старпома
Руки, как лапы
Или у пОма

Лапы, что клешни.
Один, как погладит.
Другой, как почешет.

Эх, жизнь ты, жестянка,
Судьба ты, злодейка.
Уйду на «гражданку».
Как стану «при деньгах»,
Наем кулачищи,
Поеду на море,
Как встречу обоих,
Как «чайник начищу».
Ох, я им припомню
Приборку да «кичу»

январь 1991

*Задача №1 – Задача Л-1 Курса боевой подготовки – "Организация подводной лодки и приготовление её к бою и походу"

Новолуние

"Шёл дождь и перестал,
и вновь пошёл..."

Пушкин А. С.

Шёл дождь
С утра
Позавчера.
И день,
И ночь,
И завтра,
И навечно.
Сказала дочь:
– Навечно
Там дыла.
А сын сказал:
– Конечно.

Шёл дождь
И шёл,
И шёл,
И шёл.
Как шёлк
И лак
Текла
Вода.
Сквозило.

Сплюсила
Дочь:
– Куда?
А сын сказал:
– Красиво.

Шёл дождь
Пешком,
Легко,
Не торопясь.
Зима
Справляла
Тризну.
Свивалась
Жизни
Вязь.
Крутилось
Время–
Карусель,
Кружилось.
В апрель
Весна
Влюбилась.
Был май
Медовый
Месяц
Их.
Пойди,
Узнай,
Где тот
Жених
Бедовый,
С хмельной
Невестой
Вместе,
Блудил
И куролесил?
Где не был?
Был?
Куда водил?
В какие дали?
Видали
Небо,
Море,
Звёзды.
Цветы
Цвели.
Ручьи
Текли.

Берёзы
Тянули
Сок
Из грунта.
Листы
Капусты
На отлив
Засохли
И протухли.
Плели
Ограды
"Мужики",
Рядились
"Бабы".
Шальные
Крабы
На песок
Ползли
Из бухты.
И сопки
Южные
Участки
Стелились
Новым
Мехом.
Большой
Начальник
Из столицы
Взволнованный
Приехал.
Волна
Скакала
И плясала,
И заливалась
Смехом.
И всё казалось
Хорошо,
Что лучше
Некуда.
Но тучи
Завалили
Солнце
И снег
Растаял
В слёзы
И оказалось
Всё серьёзно
Она
Хватилась

Слишком
Поздно.
Слишком.
И вот... вода.
Вдова.
Одна.
Детишки.
Чья там беда?
И чья вина?
Что так сложилось?
И раздождилась,
И распустилась,
И распустила,
Распускала
Нюни.
Июнь
Попал
В немилость.
Уже паук
Настроил
Снасть,
Уже рыбак
Раскинул
Сеть,
Уже от сна
Восстал
Медведь,
Уже сонет
Слагал
Поэт,
Но нет:
ЛилОсь
И лИлось,
Менялась
Морось
Ливнем
И длилась
Связь
Иного
И земного
Мира.
А просто
Месяц
(И луна)
РодИлся
(И родИлась).

Шёл
Дождь,

Летел,
Скользил
И капал,
Приёмник
Пел:
"– Скакал
Казак...",
Подводник
Пил,
Художник
Плакал.
Сказала
Мать:
– Как надоел.
Отец
Сказал:
– Сломался
Клапан.

1991

...Но «к погружению!»

Но «к погружению!» Великий океан,
Вернулись мы в твое родное лоно.
Погас над люком звездный балаган,
Лишь две звезды – на собственных погонах.

Табак пригоден только на понюх,
И деньги не топырят мне карман.
Я вижу в перископ – взлетел фонтан,
Как будто лодка выпускает дух.

Здесь нам считают «Кадры» за два год,
Живи плотней, раз век твой укорочен,
Ведь если завтра солнце не взойдет,
То не роса, а соль нам выест очи.

Всех мягче, говорят, морская смерть,
А мне земная жизнь всего дороже.
Но, коль придется песню спеть,
Так от души и, чтоб мороз по коже.

А ты не вешай носа, нежный друг,
Я пошутил – нам рано причащаться.
Пусть притупятся зрение и слух,
Зато другие чувства обостряются

«А за мысами – другое дело...»

А за мысами – другое дело.
Оставлен «западный»* по борту слева.
Заполнить корму! Мотором – средний!
Простите матери. Прощайте дети.
Уходим в марте. Вернёмся – летом.
Мой след кильватерный – глазам забава,
А по касательной – «каساتки» справа!
Молитесь богу, что не торпеда.
Голодным волком рванёт по следу,
Учуёт запах, найдёт по звуку,
Когтями взрыва мне вспорет брюхо.
Шальные мысли, пустые бредни.
Дельфины слева ещё торпедней!
Но не боюсь их, не уклоняюсь.
Ведь не борзые. И я не заяц.
Тяжёлым носом волну взрезаю.
То погружаюсь, то вновь всплываю.
А как читалось! А как мечталось!
Ах, если б мачты! Ах, если б парус!
Где вы, пираты?! Где вы, корсары?!
Где вы, фрегаты, корветы, бриги?!
Лихие сшибки и абордажи?!
Прощайте, фильмы. Простите, книги.
Не понимают нас жёны даже.
А нам иная судьба досталась:
Какие дамы?! Какие клады?!
Даёшь проценты! Даёшь контакты!
А после нас не романы – акты.
Нас не растащат на пищу крабы.
Нас добивают не раны – травмы.
Не пули срубят, но скрутят язвы.
На нашу долю не Жуков – Язов.
Не на дуэли и не в атаке:
Нас доконают инфаркты, «раки».
Простят ли предки? Поймут потомки?
Не «кругосветки», но «автономки».
Не убиваем, не побеждаем.
Но умираем. Но погибаем.
Уже обсмеяны честь и слава.
Уже оболганы долг и доблесть,
Уже о присяге стыдятся вспомнить.
Но, что нас гонит опять за «боны»?**
Но, что в океаны нас тянет заново?
Ужели деньги? Ужели корысть?
А может точно – послать всё к чёрту?
Или подальше – к евонной бабушке?
Грубы матросы. Прелестней с девочками.
Сорочку по моде. Галстучек бабочкой.

И в «Капитал...» рулетку заверчивать.
«Доходней оно и...» почётней.
Дальше – больше: открою дельце –
«Рога и копыта», «свечной заводик»,
«Ваши денежки – наши девицы».
Но за мысами – мужское дело!
Вот сердце в пропасть. Душа взлетела.
Ход самый малый! Заполнить среднюю!***
Прощайте «Звёзды, огни и знаки...».
Еще не поздно сменить на задний,
Но телеграфы кричат:
– Передний!
Но перископы уже в исходном.
Смешно на малом! Слабо на полном?!
Сомкнулись волны. Мы в преисподней.

1992

*«западный» – входной буй
**«боны» – боновые ворота
***средняя – средняя группа ЦГБ (цистерн главного балласта)

Широтою северной

Климовичу В. Д.

Широтою северной,
Долготой восточною
Нам виски серебряны.
– Ах! Не озолочены.

Глубиной предельною,
Зыбью океанскою
Души наши мерены,
Судьбы наши ласканы.

Не грустите, молодцы,
Не тоскуйте, братцы.
Вспомним пристань Графскую
И форты Кронштадтские.

По звезде сверяясь,
Курс проложим к берегу
Друг – на море Баренца,
Я – на море Беринга.

Разметало годики
Бурями тайфунными.
Грозные подводники –

Салажата юные.

Напевает баюшки
Нам волна походная.
Океан нам – батюшка,
Служба – мама рОдная.

6-7 марта 1992

«Есть у меня теперь сосед...»

А. Чепыжову
А. Пушкарскому

Есть у меня теперь сосед,
Не то одет, не то раздет,

Он бродит по квартире.
Звонить ему – четыре.

Накинет нараспашку
"Гавайскую" рубашку,

Возьмёт из холодильки
Морозную бутылочку –

Божественный сосуд!

Накапает сосулинка
Хрустальные посудинки

И кони понесут...

Помчатся кони-мысльки
Немыслимою мистикой

Сквозь юность нашу флотскую
И зрелость эту скотскую,

Московские – высоцкие
И питерские – клодтские,

Вскачь с Аничкова мОста на
Ваганьковский погост.

В могильном палисадничке
Преклонятся коленочки:

– Сергею Александровичу!

– Владимиру Семеновичу!

Ну, как живётся, жмурики?!
И тут достали жулики?!
И тут законом главным
Теперь блатной девиз:
(Не деньгами, так славою
Посмертною) – Делись!

Обсажены цветочками,
Покрыты ангелочками

"В законе"-физкультурники

И пол-Москвы цепочками
Разгородили шкурники.

Червонным золотом
Грудь занавешена.

В крутых разборочках
Братва замешана.

Пускай таскают вороны
Соседям похороночки,

А мы не гордые –
Стоим в стороночке.

– Да здравствует свобода!
– Почёт вору и шулеру!

А кто ходил под воду,
А кто ходил под пули –

Вали на Богородское!
Тащи на Троекуровское!

"Нет правды на земле,
Но нет её и..." ниже.

Ворюга – в "мавзолее",
Солдат – в болотной жиже.

Вот и Рохлин,
знать,
"рылом не вышел",
Ну не та у него высота.

Забивают бандитские "крыши"
На престижных погостах места.

Когда, за "баксы" нанятые,
Герои-акванавты

Подвязки да подштанники
Повытащут с "Титаника"

И ушлые торговки
На "Сотби"-барахолке

Втридорога загонят
Серёжки и заколки,

Скребут на сердце кошки –
Обидно за Серёжку.

В "Триумфах" и "Овациях"
Не вспомнит мир больной

Серёжку с "-19"-й
И Витьку с "К-8"-й.

Меняются слагаемые,
А сумма всё одна –

Несут вперёд ногами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.